

КАЧЕСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО РЫНКА ПУШНИНЫ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

QUALITATIVE CONDITION AND ECONOMIC ORIENTATION OF DEVELOPMENT RUSSIAN FUR MARKET (HISTORICAL ASPECT)

**O. Fedorova
N. Lebedev**

Summary. The article, offered to the readers attention, is devoted to certain issues of the history of fur business in our country. The views on the problem of fur trade of a number of state and public figures of the pre-Soviet period are investigated. The practical aspects of fur auction trade in the first third of the last century are reflected. The statistics of sales volumes of the Russian fur is given, attention is paid to the range of fur products.

Keywords: market of fur, fur business, fur trade, exporter of furs, fur conditions, the formation of the fur assortment, fur industry.

Фёдорова Оксана Ивановна

Д.б.н., профессор, ФГБОУ ВО «Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К. И. Скрябина»

Лебедев Никита Андреевич

Д.э.н., профессор, ФГБОУ ВО «Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К. И. Скрябина»

swonson@bk.ru

Аннотация. Статья, предлагаемая вниманию читателей, посвящена отдельным вопросам истории пушного дела в нашей стране. Исследованы воззрения на проблему пушной торговли ряда государственных и общественных деятелей досоветского периода. Отражены практические аспекты аукционной торговли мехом первой трети прошлого века. Приведена статистика объёмов реализации российской пушнины, уделено внимание ассортименту меховой продукции.

Ключевые слова: рынок пушнины, пушное дело, меховая торговля, экспорт пушнины, меховая конъюнктура, формирование пушного ассортимента, мехообрабатывающая промышленность.

Положение рынков, рыночная инфраструктура, интерпретируются как важнейшие факторы, определяющие качественное состояние и направленность развития в том числе и рынка пушнины, что со своей стороны диктует проводимую политику реализации.

С этой точки зрения рынку пушнины в экономической жизни нашей страны всегда придавалось особое значение; обзорная оценка пушных запасов и промысла показывает, что пушнина традиционно являлась основным экспортным ресурсом. Понятно, что в российском климате пушнина имела и важную потребительскую ценность — мех всегда ценился как товар, а население исторически видело в пушном промысле важнейший элемент хозяйства.

Ретроспективный анализ отечественных источников, раскрывающих вопросы развития торгового права, позволяет допустить, что этапы в развитии российского рынка пушнины синхронизируются с идеологией и практикой торгового законодательства, одним из важнейших инструментов которого выступало таможенное обложение и соответствующие таможенные тарифы, а также законодательно-нормативная база, отвечающие комплексу социально-экономических условий [1].

Безусловно, возрастание геополитической роли России, расширение её внешнеэкономических связей придавало новые импульсы развитию торговой системы. Как показывает анализ, ряд концептуальных подходов, связанных с торговой практикой, внедрялось в таможенной политике. Масштабность её воздействия на доходы казны подтверждает, в частности, таможенная Белозёрская грамота (1497 г.), предусматривающая устойчивое поступление финансовых средств посредством организации таможенных сборов от меховой торговли [2].

Фактическая деятельность, направленная на становление торговли и формирование таможенно-торгового законодательства перманентно определялась видными государственными деятелями, одним из которых был А.Л. Ордин — Нащокин (1645–1680); он нетривиально осмыслил и реализовал многие важные мероприятия, в частности, в Новоторговом уставе 1667 г. позиционировал необходимость роста казённой прибыли путём развития пушной торговли [3].

Новоторговый устав изменил порядок таможенного обложения, что законодательно ограничивало привилегии зарубежных негодантов на российском рынке пушнины, защищал практические интересы отечественного купечества. Понятно, что эта причина оказалась источ-

ником серьёзных противоречий между отечественными и заморскими купцами. Но имевшийся уже правовой прецедент, чуть ранее определивший для английских купцов права на безошлинную торговлю в России, позволил преодолеть сложившееся противоречие установлением единых для купцов всех стран таможенных ставок. Вместе с тем, это решение, конечно же, было не бесспорным, оно не могло не осложнять внешнеэкономические связи, снижало конкурентоспособность русского купечества на международных рынках пушнины. В итоге были приняты новые положения, определившие трансформацию внешнеэкономической стратегии, переход с фритредерства на протекционизм.

Запасы пушнины казались неисчерпаемыми, однако из-за неконтролируемого промысла вектор добычи постепенно перемещался в Сибирь и восточные районы, а после поражения в Ливонской войне и потери Нарвы торговля меховыми изделиями осуществлялась по нескольким направлениям: через Архангельск и Москву как основные купеческие центры; через страны Востока.

Статистика, в частности, свидетельствует, что в середине XVII века через Архангельск на экспорт уходило около пятисот тысяч шкур различных мехов; доходы казны от продажи пушнины только с 1630 г. по 1660 г. возросли на пятьдесят процентов — с четырёхсот тыс. руб. до шестисот шестидесяти тыс. руб. Из сверхдоходов от пушного промысла финансировалась дипломатическая деятельность, военная экономика и религиозная политика.

На внутреннем рынке особенно ценился мех соболя, который в основной своей массе стоил рубль за шкурку, но встречались особо ценные экземпляры чёрного оттенка по триста рублей. Не меньшую ценность имел мех чернубурки, который в исследуемый период продавался только в розницу по десять рублей за шкурку.

Понятно, что рыночные цены на менее ценные меха — куницу, песца, бобра, белку, кошку имели, как бы сейчас сказали, высокую волатильность — от 25 рублей до 30 копеек за шкурку.

Опять таки, обстоятельства, сложившиеся на рубеже XVII–XVIII вв, в частности, сокращение поголовья отечественной пушнины, возникновение канадской меховой ярмарки и поставки канадскими конкурентами мехов в Европу вновь потребовали усилить защиту интересов российских промысловиков. В частности, в период с 1650 по 1731 годы объёмы добычи пушнины, особенно соболиный промысел и экспорт меха, законодательно снижались и для восстановления популяции особо ценного восточносибирского соболя потребовалось ввести государственное регулирование [4].

В этот период задачи таможенно-тарифного регулирования, и, соответственно, развития российского рынка пушнины определил И.Т. Посошков (1652–1726). Основной стратегической линией в экономике им был обозначен протекционизм, что выразилось в таможенном тарифе 1724 года, который можно охарактеризовать как первый систематизированный государственный документ по торговой политике.

Выбор направления идеологии торговой политики всегда был неразрывно связан с социальной составляющей общества, что получило отражение в воззрениях и работах и на важнейшую для российской экономики проблему торговой политики многих государственных и общественных деятелей. И одним из первых выдающихся российских государственных деятелей-реформаторов периода первой четверти XIX века стал М.М. Сперанский (1772–1839), государственный деятель первой половины XIX века, имеющий высокий индекс управленческой мысли [5]. Именно Сперанскому принадлежит основополагающая роль в государственной регламентации управления сибирским регионом, а по сути его колонизации, который во многом корректировал правительственный взгляд на управление добычей и торговлей пушниной. В этом контексте практическая направленность реализации комплекса внешнеэкономических и внутренних социально-экономических задач была заключена в «Уставе об управлении инородцев» (1822 г.) и в положении «О свободной торговле с сибирскими инородцами» (1832 г.) [6].

В связи с анализом темы, для нас, в частности, имеет значение, что Устав устанавливал протекционизм в торговле. Повсеместно вводилась частная свободная торговля с народами, проживающими в сибирском регионе, разрешалось сдавать налоги пушниной двух сортов — дорогой и обыкновенной и мягкой рухлядь, а комиссионеры были обязаны выдерживать средние цены на ярмарках, т.е. пушному промыслу придавалось особое значение.

Устав и положение, безусловно, приумножили государственное богатство страны, как писал Сперанский, через «доходы, из сих общих источников извлекаемые, распределяемые и охраняемые; через подати, оброчные и откупные статьи, таможи и прочее» [7].

М.М. Сперанский руководил составлением системного таможенного тарифа (1810 г.), послужившего основой последующим таможенным тарифам, а разработанная им методология явилась основой таможенного законодательства. С помощью сменявших друг друга таможенных тарифов в XIX — начале XX вв. создавались определённые условия для развития отечественных промыслов и торговли мехами, завоёвывать внешнеторговые пози-

Таблица 1. Объёмы реализации пушнины (тыс. руб.) [9]

Годы	Лейпцигский аукцион	Сумма реализации пушнины
1924	Осенний аукцион	1. 251.000
1925	Весенний аукцион	1. 185. 000
1925	Осенний аукцион	1. 760.000
1926	Весенний аукцион	1. 460. 000
1926	Осенний аукцион	1. 746.000
1927	Весенний аукцион	3. 105.000

ции, расширять меховой экспорт и транзитную торговлю, ставить задачи по ослаблению контрабанды.

В этом аспекте анализ таможенных тарифов XIX — начала XX вв. показывает, что таможенные ставки на меха зависели от конъюнктуры и соотношения спроса и предложения. В частности, таможенным тарифом 1822 года ввоз шкур диких животных варьировался по весу в пределах 2–5 рублей за фунт. Ввоз шкур мелких животных (выдра, соболь) запрещался. Таможенными тарифами 1873 и 1892 гг. в интересах отечественных купцов устанавливались протекционистские пошлины на отдельные категории меховых изделий.

Если говорить о ситуации первой трети XX вв., следует отметить, что мехообработывающая промышленность нашей страны получила в этот период широкое развитие. В первый послереволюционный период несложные, кустарные, по сути, приёмы выделки стали приобретать фабричный характер, что ускорило процессы обработки шкур с применением западно-европейского опыта. В частности, стали применяться химические способы выделки — хромовый, формальдегидный и квасцовый способы, а также пикель. Распространялась механизация выделки, особенно в мездрении, ошипывании; применялась хромовая додубка в отделке мездры. При изготовлении меховых изделий скорняками внедрялось новое оборудование, автоматизировавшее и механизировавшее сложные процессы выделки — мездрильные дисковые машины, щёточные, чесальные, щипальные и колотильные машины, центрифуги для отжима [8], что для своего времени было инновационным, также как и новые методы обработки шкур. Появлявшееся оборудование улучшало производственные условия, значительно сокращало применение ручного труда, снижало себестоимость меховой продукции.

Большая часть добываемой в нашей стране пушнины реализовывалась через Лейпцигский пушной аукцион, выступающий для пушных специалистов руководящим центром по переработке, сортировке и перманентной реализации пушнины, что, конечно же, ставило российскую меховую торговлю в зависимое положение от аукционов.

Однако, после окончания Первой мировой войны роль лидера в пушной торговле по понятным причинам постепенно перешла к Лондону, на льготных условиях широко предоставлявшему выгодные кредиты для заготовки и экспорта пушнины.

Тем не менее, ранее наработанные германские каналы сбыта, хотя и сузившиеся, способствовали пушно-экспортирующим и мехореализующим предприятиям увеличить обороты пушной торговли.

На европейском рынке пушнины, как показывает анализ, был представлен широкий ассортимент продукции, где предъявлялся устойчивый спрос на мех белки, особенно её светлые сорта, лисицы, белого песка, колонка, горноста́я, хорька, куницы, норки, волка, зайца и каракуль.

Важно отметить, что в начале прошлого века не снижался спрос на мех корсука (степной лисицы), смушки (шкурки каракульских ягнят возраста до трёх дней), на опоек (шкуры телят КРС).

Если говорить о ценообразовании на аукционах, статистика показывает, что в Лейпциге цены на шкурки варьировались в зависимости от региона добычи. В частности, цена шкурки белки составляла от 1,80 до 1,62 долл. за штуку (в 1925 году за доллар давали 1,94 рубля) [10]. Высоко ценился мех лисицы, который в указанный период стоил в пределах от 32,5 долл. за северные сорта и до 12,0 долларов и ниже за шкурку украинской лисицы. Тобольский колонок реализовывался по цене 6,8 доллара за шкуру, тогда как башкирский за 5,2 доллара. В исследуемый период сложился высокий спрос на мех горноста́я, интерес к которому рос особенно на рынке США и Франции, и в зависимости от товарных свойств шкурок и региона добычи цены на который при больших партиях реализации варьировались от 4,85 до 3,10 долларов за шкуру. Положительные показатели сбыта сложились на высококачественный мех хорька, на который к окончанию сезона практически не оставалось запасов. В частности, цена на петропавловский сорт составляла от 4,0 долларов до 2,5 долларов на саратовский сорт. Высоко ценился редкий мех куницы, пользующийся вы-

Таблица 2. Ввоз невыделанной пушнины на аукцион в Лейпциг (тыс.шт.) [11]

Страна	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Российская Империя	1914	2178	1322	1827	1129
С.Штаты Америки	1601	1574	1713	1976	1908
Австро-Венгрия	935	962	1092	1241	907
Великобритания	440	349	346	349	572

Вывоз невыделанной пушнины с аукциона в Лейпциге по отдельным странам (тыс.шт.) [12]

Страна	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Во Францию	1218	1246	703	813	889
В С. Штаты Америки	678	473	386	386	378
В Австро-Венгрию	552	483	488	529	505
В Великобританию	616	943	532	612	494
В Италию	69	83	94	121	160

Вывоз обработанной пушнины с аукциона в Лейпциге по отдельным странам (тыс.шт.) [14]

Страна	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Во Францию	27	56	204	71	161
В С. Штаты Америки	96	25	140	265	132
В Австрию	80	122	210	225	160
В Польшу	21	69	200	303	386
В Чехословакию	38	47	102	155	214
В Великобританию	88	45	245	337	173

соким спросом. Цена на все её сорта (например, кубанскую, уральскую) варьировалась от 26,0 до 24,3 доллара за шкурку.

Что касается исконно отечественного меха, меха волка, то хотя он и пользовался спросом, однако товарные качества не всегда дают возможность использовать его для изготовления некоторых изделий, что снижало стоимость этого меха, которая варьировалась от 25,0 до 16,0 долларов за шкуру. В исследуемый период определённый уровень спроса на аукционе сложился на корсучий мех, мех сурка, песчаника (суслика), каракуль, перво-сортный жеребок.

Ретроспективный обзор отечественной статистики пушного дела показывает, что валовой объём торговли российской пушниной в начале прошлого века подразделялся на торговлю сырой и выделанной пушниной. Основная часть пушнины на лейпцигский аукцион поступала из США и из России.

Понятно, что после Первой мировой войны и Октябрьской революции 1917 года объём ввоза отечественной сырой пушнины на аукцион в Лейпциг резко

сократился, что позволило ряду стран занять место нашей страны. Действительно, Великобритания ввезла шкурок сырой пушнины в Лейпциг в 1921 году 1159 тыс. штук, в 1922 году 996 тыс. шт., в 1923 году – 1381 тыс. штук, тогда как Россия предложила 46, 45 и 115 тыс. штук шкурок соответственно. При этом, основными покупателями пушнины до 1914 года стали Франция, США. Австро-Венгрия.

Как показывает статистика, до Первой мировой войны значительно увеличивалось потребление меха в Италии на фоне его падения, например, в США. С другой стороны, сокращение вывоза сырой пушнины с аукциона в Лейпциге в Соединённые Штаты Америки, скорее всего, можно объяснить ростом развития лёгкой промышленности в этой стране, и, в частности, стимулированием развития мехообработки в исследуемый период. Но если в США наблюдался более-менее постоянный спрос на сырую пушнину, то, скажем, в Великобритании спрос был достаточно изменчив.

Исторический опыт свидетельствует, что до 1914 года в российском обществе в целом рисовались обнадеживающие перспективы развития народного хозяйства,

что и у промышленников пушнины породило уверенность в дальнейшей активизации экспорта меха. Однако, уже с 1918 года, с началом формирования советской общественной системы, внешнеторговая ситуация резко дестабилизировалась. Действительно, в первой половине двадцатых годов масштабы российско-советской меховой торговли через европейские аукционы резко сократились.

С установлением большевиками государственной монополии внешней торговли [13], добыча и торговля мехами непродолжительный период сосредоточилась в руках иностранных скупщиков меха, прежде всего, в Северо-Восточном Сибирском акционерном обществе (гор. Якутск).

Одним из крупнейших европейских покупателей меха в двадцатые годы становится Польша, что объясняется требованиями моды.

Несмотря на то, что посредническую аукционную торговлю первой половины 20-х гг. прошлого века Россия пропустила, задачи по реализации пушнины в той или иной степени выполнялись. Статистика показывает, что в период за четвёртый квартал 1925 г. и первое полугодие 1926 г. российский экспорт пушнины составил в США — 20, 9 млн. руб., в Англию — 23, 2 млн. руб., в Германию — около 8,0 млн. руб., при том, что в 1925 г. США импортировали мехов на 104 млн. долл. [15].

С другой стороны, ко второй половине двадцатых годов прошлого века изменялся подход к роли и значению пушного экспорта в торговом обороте, — он становился всё более системным и последовательным, в частности, решалась задача рационализации методов ведения охотничьей и в целом восстановления животноводческой отрасли для роста объёмов добычи, повышения качества пушнины. В частности, с конца 20-х годов получило начало клеточное звероводство, что со временем значительно усилило рост производства пушной продукции. В добычу пушнины стали вовлекаться новые районы и в большинстве своём новые мелкие животные — хомяки, нутрии, ондатры, суслики. Как мы видим, пушной промысел постепенно становился отраслью народного хозяйства с опорой на научные исследования и продуманное использование природного фонда. А новая экономическая политика способствовала возрастанию внутреннего потребления [16], когда значительная часть пушнины стала реализовываться внутри страны, что, в свою очередь, стимулировало развитие частной мехопромышленности. Соответственно, наблюдался рост заготовительных цен на пушнину — частные производители меховых изделий стали в состоянии оплачивать закупочные цены, и, таким образом, экспорт представлялся малорентабельным.

Подъём российского рынка пушнины невозможно было представить без всемерного развития мехообработывающей промышленности и звероводства страны, работы предприятий меховой отрасли, а с другой, — без хозяйств, разводящих пушных зверей. Поэтому неудивительно, что в июне 1925 года при ВСНХ начала свою работу подсекция особого совещания, важная роль которой определялась высоким организационным интересом государства к перспективам развития рынка пушнины, в том числе, во-первых, необходимостью восстановления капитала государственной промышленности, с точки зрения чего ставилась общая задача углублённого обследования рынка пушнины как базы мехообработывающей промышленности, в частности, подсекцией определялись конкретные направления развития внешней торговли и оценки состояния меховой промышленности, производственные вопросы, условия реализации пушной продукции, объём инвестиций, уровень заработной платы в отрасли; во-вторых, состояние промышленного оборудования как фабричных, так и кустарных предприятий отрасли.

Особое внимание уделялось как состоянию образования и подготовке квалифицированных работников в средних и высших учебных заведениях, так и научным исследованиям в области технологии мехов. В частности, в Московском университете читался спецкурс по кожевенному и меховому делу, в Лесотехническом институте были открыты курсы охотоведения и пушного сырья; в некоторых техникумах преподавалась технология мехов. Была поставлена задача открытия института прикладной зоологии и охотоведения в задачи которого входила, в частности, научная разработка планов восстановления охотничьих богатств страны, охраны фауны и улучшение техники промысла.

Подсекция особого совещания с одной стороны, исследовало характер пушной промышленности за рубежом, прежде всего, в ряде европейских стран и Америке, в частности, состояние технической специализации, способы обработки и красильного производства, уровень научных разработок, а с другой, наметила работу по изучению отечественного овцеводства — уровня производства в овчинно-шубных районах, особенно, типов и количества предприятий по выделке овчины, вопросов себестоимости продукции и её потребления, рынков сбыта. При этом особое значение придавалось вопросам восстановления основного капитала.

Между тем, в 1923–25 годах началось государственное регулирование пушного рынка, на уровне Госплана СССР вводился план заготовки пушнины. В 1923–24 гг. было заготовлено пушнины почти на 40 миллионов рублей. План на 1924–25 гг. был определён в сумме около 30 миллионов рублей [17].

Как мы видим, наметилась смена экономического курса и сворачивание новой экономической политики, что, конечно же, было связано с выработкой новой советской системы. Потребительская кооперация, которая развивала производство на мелких предприятиях и в артелях, также поэтапно трансформировалась и вошла в централизацию экономических отношений.

Следует подчеркнуть, что развитие российского рынка пушнины на фоне социалистических преобразований, согласно концепции смешанного общества, связано с воссозданием экономических укладов, которые доминировали в России в дореволюционный период; только теперь их использовали для обновления экономики под эгидой государства при наращивании определённых ограничений под эгидой теперь уже государственно-социалистического уклада [18].

Ретроспективный анализ литературных источников, исследующих вопросы пушного дела, показывает, что велась борьба между последователями оптимальной и реализованной моделей пушного дела, что отразилось в дискуссиях второй половины 20-х годов, спектр которых был широк и включал как методологические и теоретические вопросы, так и практические хозяйственные дискуссии, в частности, вопросы введения нового положения об охотничьем хозяйстве, снижения ставок промыслового налога, о заготовительных ценах и т.п. [19]. Однако, как нам представляется, при всей важности проблем, дискутируемых во второй половине 20-х гг., следует акцентировать внимание на двух основных, с нашей точки зрения, вопросов, это, прежде всего, в целом стоящая уже проблема соотношения рынка и плана и проблема формирования источников финансирования пушного хозяйства. Во второй половине 20-х гг. считали, что инвестиции будут осуществляться за счёт внутренних источников, и лишь только в отдельных случаях можно будет прибегать к иностранным займам. Однако, трудности финансирования вставали достаточно остро.

В этой связи представляет определённый интерес объём капиталовложений и производственный эффект крольчатника. В 1930 году один питомник за период с 1930 по 1934 гг. требовал вложений на 4.800 рублей, в то время как реализация произведённых шкурок составляла сумму 18 тыс. руб.; с учётом затрат на оплату труда и отчисления в фонды, чистая прибыль составляла 1.065 руб. в год.

Ещё одна дискуссия 20-х гг. касалась проблемы существования частнособственнического мелкотоварного уклада, следовательно, выбора плана и рынка.

Выработка конкретных форм функционирования пушного дела на плановой основе в 20-х гг. сопровождалась свободным обсуждением учёными и экономистами возможностей взаимодействия рынка и плана.

В целом участники дискуссии по-разному отвечали на вопрос, взаимодействуют ли рынок и план. Такие экономисты как А. Мендельсон, А. Айхенвальд, и Л. Юровский считали, что план и рынок не находятся в антагонизме, а план должен овладеть рынком для воздействия на воспроизводственные процессы. С их точки зрения, рынок связывает сектора экономики, что выступает условием их пропорционального эволюционирования [20].

Дискуссии отражали направленность ответов на вопросы, касающиеся характера разнообразных укладов в искусственно формируемой социалистической системе.

В условиях сложившихся к 1931 году обстоятельств, было создано государственное Всесоюзное экспортно-импортное объединение «Союзпушнина», уже в марте того же года организовавшее первый советский меховой аукцион в Ленинграде, на котором реализовывались крашенные меха, качество которых отвечало лучшим мировым критериям. До 1991 года объединение «Союзпушнина» монопольно осуществляло всю внешнюю меховую торговлю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственная внешняя торговля в разных её видах. — СПб., 1813—1825; Государственная внешняя торговля в разных её видах. — СПб., 1855.
2. Белозёрская таможенная грамота 21 мая 1497 года // Российское законодательство X—XX вв. -Т.2. -М., 1984.
3. Ключевский, В. О. Русская история. Полный курс лекций в 3-х кн. — Кн. 2. -М., 1994. — С. 434; Лебедев, Н. А. Таможенная и тарифная политика России: идеологи и творцы. — М., ИЭ РАН, 2002.
4. Чапаев, М. Р. Меховая торговля и её правовое регулирование в Российской Империи в XIX в. // Теория и практика общественного развития. — 2011. -№ 7. — С. 244—246; Вилков, О. Н. Пушной промысел в Сибири. // Наука в Сибири: газета СО РАН. — 1999. — № 45 (2231); Шкунов, В. Н. Торговля Российской Империи со скандинавскими странами в XVIII—XIX веках. -Ульяновск: Изд-во УлГУ, 2011.
5. Сеславин, Д. Н. Сперанский. — СПб., 1910; Уманец, Ф. М. Александр и Сперанский. — СПб., 1910; Чибиряев, С. А. Великий русский реформатор: жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского. — М., 1989; Томсинов, В. А. Светило русской бюрократии: исторический портрет М. Сперанского. — М., 1991.

6. Вагин, В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири. — СПб., 1872. — Т. 1–2; Прутченко, С. М. Сибирские окраины. Историко-юридические очерки. — СПб., 1899. — Т. 1–2;
7. Устав об управлении инородцев от 22 июля 1822 г. / — ПСЗ РИ. — Т. 38. № 29; Положение «О свободной торговле с сибирскими инородцами» // Свод Законов Российской Империи. — СПб., 1897. — Т. 2. — Ч. 1. — С. 303–338.
8. Цит. по: Валк, С.Н. (ред.). М. М. Сперанский. Проекты и записки. Из-во АН СССР. — М; Л, 1961; См.: План государственных преобразований графа М. М. Сперанского. — М., 1905.
9. Пушное дело. — 1925. — № 6–7. — С. 23–30.
10. Пушное дело. — 1927. — № 11 (19). — С. 4.
11. www.apaga.ru
12. Пушное дело. — 1927. — № 11 (19). — С. 24.
13. Пушное дело. — 1927. — № 11 (19). — С. 10.
14. Декрет СНК РСФСР от 22 апреля 1918 г. «О монополии внешней торговли» // Декреты Советской власти. — М., 1957. — Т.1. — С. 158.
15. Пушное дело. — 1927. — № 11 (19). — С. 11.
16. Беркович, С. М. Внешняя торговля пушниной // Пушное дело. — 1926. — № 1 (9). — С. 6.
17. Очерки экономических реформ. — М.: Наука, 1993.
18. Пушное дело. — 1925. — № 6–7. — С. 50–51.
19. Никифоров Л. В. (ред.). Смешанное общество: российский вариант. — М., 1999.
20. Пушное дело. — 1928. — № 13–14 (33–34); — 1929. — № 2 (36); — № 3 (37).
21. Экономические дискуссии двадцатых годов. — М., 1989.

© Фёдорова Оксана Ивановна, Лебедев Никита Андреевич (swonson@bk.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина